

12+

Айре Вест

**Один день
короля**

Харууна

Айре Вест

Один день короля Харууна

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вест А.

Один день короля Харууна / А. Вест — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Над городом, которым правит молодой король Харуун, нависла беда. Из глубин страшного леса вернулся изгнанник, давно считающийся мертвым. Его появление взбудоражило умы горожан, обнажая их страхи, конфликты и заставляя подвергнуть сомнению незыблемые основы мироздания. Неужели за стенами города можно жить? Неужели правила, которые они соблюдают, уже не так-то нужны? Неужели всемогущие боги кем-то придуманы? Всего за сутки устоявшаяся жизнь горожан может рухнуть...Примечания автора. 1. Совы не то, чем кажутся. 2. Вдохновлено "Одним днём Ивана Денисовича" и отчасти "Градом обречённым". 3. "Дивергентом" не вдохновлено, все, даже самые точные совпадения случайны. 4. Художник — Айре Вест при помощи Ханны Хаимович.

© Вест А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Утро	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Айре Вест

Один день короля Харууна

Утро

Король Харуун проснулся как привык – в половину седьмого утра. Он полежал, слушая, как на улице снаружи шаркает метла уборщика, а потом с силой провёл рукой по лицу и резко сел, откинув тяжёлое одеяло.

В такой час можно было не зажигать свечи или плошки с жиром, так как утренний свет уже проникал сквозь узкое окно королевского жилища. Харуун нашарил у кровати домашние туфли и, не переодеваясь после пробуждения, пошёл готовить себе завтрак – повседневная рутина была тем, что ставило перед очагом на колени и короля, и санитарного инспектора, и последнего мусорщика.

Он взял с печи чайник и подставил его под кран бочонка, в котором вода отстаивалась всю ночь, отдавая свой естественный яд толстому слою древесного угля. Нацедив чистой воды сколько было нужно, Харуун водрузил чайник на плоский верх печи и стал высекать искры, чтобы подпалить приготовленные с вечера щепу и куриный пух. Когда пламя наконец занялось и лизнуло подброшенное полено, колени короля уже отдавались привычной болью от стояния на жёстком полу.

Печка у Харууна была хорошая, делал её ему в подарок на коронацию мастер Ниар Белый, прозванный так за то, что его всегда видели осыпанным мельчайшей каменной крошкой или извёсткой. Тело Ниара давно откопали из могилы и сожрали дикие звери, а его творения по-прежнему были центром жизни каждого дома. Приземистые, сложенные из обтёсанных камней небольшие печки оставались источником тепла, когда город укрывало снегом, морозы стояли по четыре месяца подряд, унося самых слабых, а под крепостной стеной кружили рыси и волки в ожидании добычи.

Харуун закрыл железную дверцу, за которой бились оранжевые языки, и занялся приготовлением завтрака. Небо за окном стало совсем светлым, когда на единственной принадлежащей королю сковородке зашкворчала яичница. Ожидая, пока можно будет утолить голод – вчера король о своём ужине не позаботился, занятый государственными делами, – Харуун сидел у печи на табуретке и перебирал в уме дела, которые собирался сегодня сделать.

Необходимо было присутствовать на принятии в ученики и напутствовать детей, которые вот-вот станут полноправными горожанами. Также он был обязан явиться на суд – при этой мысли снова подступила брезгливость и чувство неловкости. Ещё нужно набрать воды, проверить караулы на стенах, озаботиться тем, чтобы на обед раздобыть миску супа. Сходить за яйцами в курятник, раз уж сейчас собрался съесть последние.

Снедь, которая могла храниться долго, раздали ещё вчера, в предпоследний день месяца, и Харуун забрал свой запас муки и чечевицы на следующие тридцать дней. А ещё через неделю Леа сверится со списками и разрешит ему нарезать курицу, вот будет пир, когда он снимет с вертела сочную румяную тушку!

С этими мыслями он сидел и, подпирая голову кулаками, наблюдал в щель между печью и неплотно прилегающей дверцей, как горит внутри огонь. Машинально он окидывал взглядом свой дом, проверяя, соответствует ли он санитарным нормам, нет ли угольной крошки на пластинах возле печи, уличной грязи у порога, не налипла ли шерсть на одежду.

На улице уже раздался звон колотушки о медную дощечку и надсаженный голос старой Ханы, которая уже много лет занимала должность хранительницы времени:

– Семь! Часов! Семь! Часов! – кричала она с равными промежутками между словами, которые придавали её выкрикам изрядную долю неестественности. – Семь! Часов!

Её голос стал удаляться вдаль по улице, и за ней, словно волна, шёл нарастающий шум просыпающегося города: хлопанье дверей, детский голос, топот ног, собачий лай. Он поднимался за стенами королевского дома, постепенно превращаясь в монотонный будничные гул, из которого изредка выделялся какой-то слишком резкий или слишком громкий звук. Прислушавшись, Харуун мог бы определить, кто громко подзывает курицу под окнами, а кто проходит по улице, постукивая по булыжнику тупым концом копья.

Харуун заварил себе чаю – залил кипятком сушёные травы, которые отщипнул из пучка, висящего под потолком, подул на поверхность окрасившейся в зелёный цвет воды и отхлебнул. Тем временем приготовилась и яичница. Король поставил кружку прямо на пол, взял сковородку, грубо выкованную вилку, посыпал яство солью и последними стружками сушёной свинины, которую заранее вытащил из шкафчика, и принялся поедать свой завтрак прямо так, без тарелки, закусывая зачерствевшим позавчерашним хлебом. Ел он с жадностью, торопясь и обжигаясь, так как его мысли уже полностью занимала та суета, которая только и ждала его возникновения на пороге собственного дома. Стоит ему выйти на улицу – и он уже не будет принадлежать самому себе, его поглотит та суматоха, составляющая городскую жизнь, которой он ежедневно управлял и которую поддерживал.

Харуун был молод, у него вполне хватало сил каждый день по несколько раз обегать подчинённый ему город, раздавать распоряжения, присутствовать в общественных местах, помогать в работе и, наконец, заниматься документами и расчётами. Его волосы под осень совсем выгорали под солнцем и становились почти белыми, кожа наоборот круглый год была красной и обветренной, а с рук не сходили мозоли, ожоги и царапины – и это несмотря на то, что благодаря своему статусу он был отстранен от тяжёлой работы, которую выполняли другие его подданные.

Поев, Харуун убедился, что сковорода испачкана только маслом, которого хватит на ещё одно приготовление пищи, и бросил её обратно на печь, туда же кинул вилку, залпом выпил чай, открыл дверцу и выкинул мокрую траву в огонь, который зашипел и тут же проглотил добычу. Затем он принялся одеваться – переменял спальную одежду на уличную, натянул поверх панталон короткие летние штаны, вместо домашних туфель влез в сапоги, состоящие из кожаной портянки с приделанной снизу деревянной подошвой. Через голову он надел рубаху из грубо тканого холста, поверх – жилет из дублёной свиной кожи, завязал шнуровку спереди, проверил, лежит ли в кармашке кусок мела, и вооружился кинжалом, с которым обычно не расставался.

Затем Харуун не глядя сгрёб со стола государственные бумаги, взял их под мышку, захватил флягу с водой, открыл засов на двери и с топотом сбежал со второго этажа по шаткой деревянной лестнице, которая была приделана к дому снаружи.

Первым, кто встретился ему этим утром, был сын соседки снизу, шестилетний Йен, который палкой сгонял курицу с дымовой трубы. Труба выходила с первого этажа через стену и имела удобный выступ, на котором и примостилась пеструшка.

– Доброй воды, – поздоровался Харуун, – ты в школу не опоздаешь?

– Доброй воды, – ответил Йен, который не отрывал взгляд от курицы. – Конечно, опоздаю.

И он обернулся к королю, шуря лиловые глаза и улыбаясь щербатым ртом.

– Мама велела мне её поймать, – добавил он. – На обед зарежет.

– Хорошо, тогда лови, – сказал Харуун. – Пока!

У него мелькнула мысль помочь соседу и зайти с другой стороны, чтобы спугнуть курицу ему в руки, но он остановил себя, помня, что юный житель города уже должен уметь справляться с таким нехитрым делом сам.

Он обогнул дом, зашёл за угол и, поднявшись по разбитому крыльцу, постучал в хлипкую дверь, а затем толкнул её. Харуун попал в такое же помещение, как и у него наверху, разве что немногим побольше. Посередине комнаты тоже стояла печь, хотя и похуже. На ней кипел котелок, а у котелка хлопотала смуглая женщина в подоткнутой под брючный ремень рубашке. Была в комнате и ширма, отгораживающая от общего пространства постель, где спали обитатели дома. Сейчас она слабо шевелилась, но Харуун не стал обращать на это внимание.

– Привет, Офелия! – громко поздоровался король. Женщина вздрогнула и обернулась. В одной руке у нее был нож, который она точила о камень, в другой – поварёшка.

– Харуун! Доброй воды, – ответила она, – я думала, это Йен вернулся.

– Я его встретил, – сказал Харуун, – зашёл спросить, ты получила разрешение?

– На что? – не поняла Офелия. – А, на курицу? Конечно да, спроси Леа, она подтвердит, у неё всё записано.

– Ну тогда ладно, я просто уточнить, ради порядка, – сказал Харуун. Ему было неловко, что он спросил, теперь получалось, что он подозревал Офелию в нарушении. Мог бы действительно зайти к Леа, ведь контролировать её входило в его обязанности.

– Ничего, – ответила Офелия. – Ты сегодня будешь на суде?

– Куда я денусь, и на принятии в ученики буду, – отвечивал Харуун. – Ну, хорошей тебе воды.

– И тебе! – откликнулась Офелия, возвращаясь к своему занятию. – Увидишь Йена – скажи, чтобы не баловал, а то задница отведаст ремня.

Харуун кивнул и вышел.

– Мать с тобой слишком строга? – спросил он Йена. Тот играл в охотника, подкрадываясь к успокоившейся было курице, которая теперь клевала что-то посреди двора.

– Это пройдет, когда я съеду, – серьёзно ответил Йен.

– А ты что, уже собрался?

– Не сейчас, но собираюсь. Я уже большой. И дом себе присмотрел. Либо Хана, либо Мейвас точно зиму не переживут. Но у Мейваса третий этаж, там холоднее, так что пусть лучше Хана прибирается. А ты слышал, что Шуша сегодня съедет?

– Не слышал. – Харуун, который уже направился было к калитке, остановился. – А что, она говорила?

– Она давно всем говорила, ты где был? – тонким от удивления голосом возопил Йен.

– Считал курс муки к курсу металла, – признался Харуун, почёсывая в затылке. – Ладно, нужно будет зайти к ней и поздравить. Спасибо, что сказал. Пока, я побегу, хорошей воды!

Он отворил калитку – шаткую часть заборчика, кое-как подвешенную к остальному забору, и вышел на улицу, минуя кусты, сидящие возле.

Король жил на улице, которую без особой фантазии жители называли Главной. И было за что. Самая длинная и широкая, она начиналась у городских ворот, шла мимо госпиталя, мимо храма и кошачьего дома и возле школы пересекалась со Второй улицей, названной так лишь для того, чтобы её отличать. На перекрёстке Главной и Второй, который образовывал приличных размеров площадь, обычно происходили все главные городские события – торжества, суды, собрания и казни.

Главная была так широка, что посередине неё спокойно уместился бы ещё один ряд домов. Однако её не застраивали в знак уважения к большим людям, которые жили на этом месте когда-то очень давно. Поэтому чтобы дойти до забора на противоположной стороне, нужно было пересечь сначала мощёную булыжником часть, которая была так просторна, что на ней можно было поставить по длине три повозки. Затем – миновать центральную часть, где были устроены огороженные грядки, потом пересечь мостовую шириной в две повозки – и только тогда можно было упереться в забор соседей напротив.

Дома на всём протяжении улицы были двух или трехэтажными, со скособоченными крышами и покосившимися трубами. Построенные из старых кирпичей снизу и новых вверху, из кусков старых зданий, они теснились, налезая друг на друга. Между ними часто зияли зазоры, и через некоторые из них даже при желании взрослый человек не мог бы протиснуться. Они стояли по пять, по шесть, по восемь на том пространстве, которое в прошлые времена, как гласили скудные сведения, занимало одно здание. Теперь же бывшее величие померкло и всё уменьшилось – и дома, и обжитое пространство, и человеческое могущество, и отведённый человеку срок жизни, и уже никто не задавался вопросом, зачем предыдущие хозяева этих мест строили с таким размахом – ведь ясно же, что они были великанами.

Первым, на кого король наткнулся на улице, оказался огородник Пелле. Он сидел к нему спиной и возделывал грядку с морковью.

– Уже трудишься? – доброжелательно спросил Харуун, подавив желание пройти мимо молча. Пелле дёрнул плечом, не глядя на него. Он ещё обижался на короля за отказ в прощении о переселении.

– Не стоит тебе сердиться, – сказал Харуун, когда молчание слишком затянулось, а стоять как дурак было уже неловко. – Сам знаешь, что нельзя.

– Ларе тяжело ко мне ходить, – глухо отозвался Пелле, – там в горку.

– Так ты к ней ходи, – предложил Харуун, хотя знал, что говорит только из вежливости, ведь всё и так уже было решено.

– Куда уж! Сам знаешь, как она живёт, с двумя детьми, никто ещё не съехал. Предлагаешь нам любиться на полу на глазах у детей?

– Пошлите их куда-нибудь! Или ждите, пока станут горожанами! – не выдержал Харуун. – Почему на меня обижаешься? Не я устанавливал правила.

Пелле выпрямился, посмотрел с прищуром, по его бородавчатому красному лицу тёк пот. Вся его неприязнь к королю, казалось, скопилась в прищуренных глазах, в поджатых губах. Пелле и Харуун взаимно не любили друг друга, но король старался вести себя со всеми одинаково, а ссориться с государем в открытую было не принято.

– Не ты, – тяжело промолвил Пелле. – Но ты подумай, что надо сначала выполнять – дух закона или букву?

Харуун смолчал, и так понимая, что все знают – он слишком мягкотелый, норовит войти в положение каждого, а отказав, начинает мучиться и думать, правильно ли сделал.

– Что плохого, что жене будет ближе ко мне ходить? – продолжал Пелле, размахивая тляпкой. – Не станем же мы с ней под одной крышей ночевать, в самом деле!

– Зато жить ты собрался через пять домов от её. Так дело не пойдёт, – рассердился Харуун. – Иди и подавай на меня в суд, если думаешь, что я неправильно решил. И Трейвендес тебе скажет, что ты неправ! То и есть дух закона, как ты говоришь: всё ради нашей безопасности!

Пелле в последний раз махнул рукой.

– Это ты на меня взъелся за то, что я тогда тебя за уши трепал, – сказал он. – А что у соседушки твоей творится, не замечаешь, потому что она к тебе подлизываться умеет.

Харуун вспыхнул.

– Если что-то заметил, походи и позови стражу! – процедил он. – Если бы я что-то видел, я бы и сам позвал!

Пелле окинул его взглядом, в котором Харуун с неприятным чувством заметил настоящее презрение.

– Иди, – промолвил Пелле, не желая связываться. – Если что-то увижу, обязательно кого-нибудь кликну.

Харуун сощурился, отступил от него на шаг, едва сумев удержать себя в руках. Его природный темперамент в делах хитростей и дипломатии был ему вовсе не подмогой, а довольно

значительным препятствием. Он хотел ответить что-то подобающее королю, спокойное и величавое, но ответ никак не приходил ему в голову, а Пелле уже вернулся к своей работе, наклонился над грядкой, и Харуун видел только его спину, обтянутую порыжевшей от пота рубахой.

Харуун решил, что с этого поля боя лучше дезертировать, и уже развернулся, чтобы бежать к Леа, но тут, откуда ни возьмись, на него налетел Эндрю Тилен, низкорослый и бодрый старичок сорока двух лет, на ходу чем-то перекусывающий.

– Харуун, как хорошо, что я тебя встретил! – воскликнул он, щеря в улыбке беззубый рот. – А ты отстань от него, бездельник, ишь чего удумал, законы не для того писаны! – попенял он огороднику, который даже ухом не повёл.

Эндрю схватил Харууна под локоть и оттащил в сторону.

– Что случилось? – спросил тот, уловив его тревогу.

– Ведь Нэм и Энни не вернулись ещё! – прошептал Эндрю ему на ухо.

Харуун мгновенно подобрался, и всякие разговоры о допустимости или недопустимости для мужа и жены ночевать в такой опасной близости друг от друга сразу выскочили у него из головы.

– Да ты что! – тихо воскликнул он. – Ведь Хана уже давно рассвет пробила!

– Им под землёй не слышно, – философски сказал Эндрю. – Но они всегда вовремя возвращались. А сейчас что-то нет их и нет. Светили в провал, а всё равно. И верёвка не шевелится.

– Не поднимай шума, – распорядился Харуун. – Просто позови к провалу Эндед, Брайана и Вольтара, я буду там. Всё понял?

И, не послушав, что ответил ему Эндрю, он бросился бегом по улице.

Харууну, тренированному и закалённому трудностями, не составило труда за минуту добраться до провала, где уже собрались люди, тшечно вглядывающиеся в темноту. Видимо, его распоряжение не поднимать шума запоздало: всё новые и новые горожане тянулись к месту происшествия.

– Пропустите, – отрывисто приказал Харуун, подбегая к самому провалу. – Расступитесь!

Провал, как называли обычно в городе вход в подземелье, представлял собой древние, почти полностью раскрошенные ступеньки, уходящие в отверстие в земле. Сухими они были только там, где на них падало солнце, а ниже на них собиралась вода и рос склизкий мох. У провала стоял хорошо укрепленный ворот, на который была намотана пропитанная смолой длинная двойная верёвка. Она помогала охотникам выбираться наверх, держась за неё, в то время как сами они бывали навьючены тяжёлой, ещё тёплой добычей. Сейчас верёвка не шевелилась, а просто лежала на ступеньках и терялась в темноте.

– Король тут! – раздался общий вздох. Санитары, одетые в свои громоздкие костюмы, пытались отгеснить народ подальше, и хотя одно мановение затянутых в кожаные перчатки рук могло заставить отшатнуться любого, сейчас никто и не думал расходиться.

– Кричали вниз? – спросил Харуун. Кричать, склонившись над входом в подземелье, не запрещалось, в отличие от крика на улице.

– Ещё как! – подтвердил за всех Хуанито Эжемаль, который занимался работой по дереву и жил к провалу ближе всего. Голос его был надсажен.

– Бросать факелы побоялись, могли сжечь верёвку, – добавила юная Кристина Гасс, ученица Ханы, которая вместо того, чтобы сидеть в хранилище времени и отсчитывать про себя секунды или быть при наставнице, вертелась на месте происшествия.

Харуун мог бы сам первым очертя голову броситься вниз, но он знал, что у него нет на это права. Из тех, кого он позвал, первым добежал Вольтар, который догадался захватить с собой гарпун. Ему не понадобилось ничего объяснять: для того, чтобы сообразить, что охотники не вернулись вовремя, не требовалось особой смекалки.

– Они выбились из графика всего на пятнадцать минут, – сказал он, растерянно глядя на черноту внизу.

– Четырнадцать минут одиннадцать секунд, – поправила Кристина и закрыла глаза, беззвучно шевеля губами, – она отсчитывала секунды.

Харуун молча указал вниз, кто-то снял ремень и подал Вольтару, и он уже успел закрепить с его помощью спасительную верёвку у себя на поясе, как вдруг через всё сгущающуюся толпу пробралась Эндел, схватила Харууна за рукав одной рукой и Вольтара за пояс – другой.

– Однажды я опошдала на двадцать минут, – прошамкала она. Седые волосы выбились у неё из-под платка, но она не поправляла их. – Крысы ищущали меня так, что я едва могла идти, но я выбралашь. Штойте, не порите горячку!

– У тебя не было тогда ученика, – возразил запыхавшийся Брайан, нагоняя её. – У Нэма есть Энни, так почему он не послал её за помощью? Нет, что-то случилось! Но безоружными нам лучше туда не соваться! – добавил он, глядя на Вольтара, который собрался отправиться вниз в чём был.

– Тем, кто не имеет отношения к крысоловам, туда лучше вообще не соваться! – грохнул у Харууна за спиной кузнец Элтар и на всякий случай отвёл его от провала. – Не стоял бы ты тут, король.

– Я не собираюсь туда падать! – вскипел Харуун, уязвлённый тем, что его опекают как маленького. – Приготовить факелы! Оружие! Броню! У вас пять минут!

– Пять минут! – пискнула было Кристина, когда подошедшая Хана схватила её за волосы и оттащила прочь.

– Ты что делаешь! – шипела она, волоча девчонку за косу. – Ты позоришь меня! Я сама буду отмерять тут время! Пошла прочь!

Ох, зря Кристина пошла в ученицы к ней, а не к спокойному Кириасу, который отмерял время по ночам, сидя в своей норе под крышей, и никого не трогал. К концу обучения можно и совсем без волос остаться!

Воцарилась сосредоточенная суматоха. Кто-то принёс связку факелов, кто-то – тёплые вещи, кто-то – кожаную броню, защиту от крыс. Границы мёртвой зоны вокруг провала никто не соблюдал, в минуту, когда охотникам могла грозить опасность, все забыли о том, что могут занести в город опасную болезнь. Ближе всех стояли санитары, Лас, Фаренне и Сильвен, рослые мужчины, которые обычно занимались охотниками и их добычей сразу после того, как они возвращались. У санитаров имелось право на почти любые действия, которые они считали нужными. Сами они были с ног до головы облачены в защитные кожаные одеяния, а их лица закрывали специальные маски и фильтры для дыхания. Сейчас они как раз помогали Вольтару одеваться в броню охотника и следили, чтобы толпа не напирала.

Харуун осмотрелся и тоже хотел было напомнить всем о недопустимости приближения к провалу, но тут увидел, что по улице с трудом ковыляет Джанин, начальница стражи, которая ныне находилась в декретном отпуске. Её живот, обтянутый зелёной тканью платья, колыхался впереди неё и грозил перевесить, по крайней мере, так казалось Харууну. За Джанин бежала её мать Альса, которая обычно распоряжалась крысиным мясом: готовила и ходила по улице, раздавая желающим перекус. Сейчас при ней не было её неизменного лотка. Альса на ходу уговаривала дочь не рисковать ребёнком, но непреклонная стражница упрямо продвигалась вперёд, опираясь о копьё, которое не оставляла даже в декрете.

– Сколько прошло минут? – спросила она, останавливаясь возле Харууна и отдуваясь. От её дыхания светлые волосы, упавшие ей на лицо, подлетели и снова упали, она нетерпеливо смахнула их. Ее положение тяготило её, и она переживала, что не сможет быть полезна.

– Восемнадцать минут двадцать две секунды, – ответила Хана. Кристина рядом с ней утирала слёзы собственной косой.

– Так ещё не всё потеряно, – обрадовалась Джанин. – Они точно должны быть где-то неподалёку.

– Все в этом уверены, – ответил Харуун, стараясь отвести Джанин подальше. – Народ спустится и их вытащит. Ты только не волнуйся, тебе вредно волноваться.

– Боишься, что рожу до срока? Мне ещё пять дней, – усмехнулась Джанин. В её голосе прорезался холод.

Вольтар тем временем нетерпеливо переминался, ожидая, пока ему дадут факел и оружие. Он когда-то пробовал себя в качестве охотника на крыс, но потом ушёл в огородники. Сейчас только он обладал необходимыми навыками выживания под землёй, за исключением престарелой Эндел, которая уже шесть лет как не могла держать гарпун.

– Верёвка, – подсказал Хуанито.

– Я пристегнулся, – махнул рукой Вольтер, но Хуанито говорил не о том.

– Верёвка шевельнулась! – повторил он с дрожью в голосе.

Разговоры сразу замерли, и на площадке перед провалом установилась тишина. Теперь и Харуун видел, что верёвка в самом деле немного натянулась, а потом ослабла, как будто её дёрнули откуда-то издалека.

– Нэм! Энни! – позвал Элтар, наклоняясь вниз и пытаясь заглянуть в темноту. – Вы там? Никто ему не ответил, но верёвка дёрнулась снова.

Харуун не смотрел ни на кого из окружающих, только на верёвку, от которой Вольтар уже отстегнул ремень, опасаясь неладного. Король знал, что все вспомнили рассказы о том, как тяжела была жизнь первых маленьких людей, когда приходилось жить в таких провалах и растить там детей, укрываясь от гнева богов. Теперь там водились только жирные крысы, пожирающие всё живое и даже друг друга. При должной сноровке охотников они превращались в почти неиссякаемый источник мяса наряду со свиньями, но память о страшных временах всё равно осталась.

Верёвка зашевелилась куда более размеренно, похоже было, что кто-то вытягивает себя на поверхность, упираясь ногами в разрушенные ступеньки.

– Нэм! Энни! – закричал уже и сам Харуун. – Отзовитесь!

Ему показалось, что снизу донёсся слабый голос, но он не был уверен.

– Кричали? Кричали? – переговаривались люди, заглядывая в провал. – Ты слышала? Нет?

И наконец, выступив из крошечной мглы, в поле зрения показалась маленькая фигурка двенадцатилетней Энни, сгибающаяся под тяжестью отборного десятка убитых крыс. Они висели у неё за спиной, привязанные хвостами к деревянной палке, которая крепилась ремнями под мышками и лежала у неё на спине наподобие коромысла.

Перебирая руками, Энни взбиралась наверх, и последние её рывки жители приветствовали дружным восклицанием восторга. Перед ней расступились, держась на предписанном санитарными нормами расстоянии. Энни положила гарпун на землю, и к ней тут же подбежали санитары. Они помогли ей стащить со спины тушки крыс, снять шапку, тряпку, закрывающую лицо, заглубившие от крысиной крови перчатки, промокшие сапоги.

Она села прямо на землю, усталая, но довольная; она не выглядела встревоженной и только показала назад дрожащей от слабости рукой:

– Там, – сказала она. Глаза она держала закрытыми, чтобы солнце не ранило их своими лучами.

Потом она легла на спину и закрыла лицо тряпкой, не торопясь идти мыться.

– Нэм идёт, – сказал Харуун, присев, чтобы было лучше видно. Верёвка дёргалась, кто-то догадался налечь на ворот... Но внезапно из тьмы на свет выбрался не всем известный Нэм, а совершенно чудовищная фигура, да такая, что многие в едином порыве отбежали подальше с криком ужаса.

Харуун отшатнулся, инстинктивно закрывая собой Джанин, которая крепче перехватила копьё. Он всматривался в копошащуюся фигуру, силясь найти в ней что-то человеческое. С трудом в ней опознавался мужчина. Всклокоченные грязные волосы и неровная борода скрывали почти всё его лицо. Невозможно было понять, где заканчивалась его одежда и начиналось тело – всё было совершенно ровного цвета засохшей грязи.

Выбравшись на поверхность, он упал на колени, а потом на четвереньки, и его голова коснулась земли. Вслед за этим человек издал хриплый звук, который, вероятно, надо было расценивать как выражение радости. Он заслонялся от света руками с обломанными и окровавленными ногтями.

– Да это же Туркас! – воскликнул кто-то.

Шокированный, король сделал шаг вперёд, забыв о санитарной зоне. Впервые за всю историю города изгнанник смог выжить и вернуться обратно – неслыханно, неопишимо... И совершенно непонятно, что с ним делать дальше.

Это в самом деле был Туркас Стен, осуждённый за непреднамеренное убийство Маркуса Стена, своего единоутробного брата. Его присудили к изгнанию ровно три месяца назад. В день оглашения приговора, как полагается, его вывели за черту города и оставили там. Стражники ночь и день отгоняли его от ворот и от пшеничного поля, когда он пытался то перелезть через стену, то поживиться недавно взошедшими колосьями. Оставшееся время он просто стоял внизу, слёзно умоляя впустить его обратно. Но вскоре Туркас исчез и больше не появлялся, и все сочли, что его уже нет в живых. Ведь говоришь «изгнание» – подразумеваешь «смерть». Говоришь «за стеной» – подразумеваешь «смерть». Говоришь «лес» – подразумеваешь «смерть».

А теперь Туркас появился из-под земли, словно так и было нужно. Куда же смотрели Нэм и Энни? Почему они взяли его с собой? Неужели он использовал своё красноречие и смог уломать их, уговорить так, как не смог уговорить стражников?

Нахмурившись, Харуун взял у Джанин копьё и тупым его концом перевернул несчастного преступника. Сомнений не было – Туркас, доведённый до нечеловеческого состояния, с гноящимися глазами, с ранами на руках, но живой.

Никто не мог бы продержаться за чертой города так долго, к тому же не имея с собой никаких инструментов и приспособлений, кроме той одежды, которая была на нём надета. Однако Туркас оказался здесь и был жив. Изгнание в лес больше не равнялось смерти. Харуун не мог бы объяснить, какого рода тревогу вызвало в нём это известие, однако он понял, что что-то изменилось.

Он обернулся, желая получить объяснения у Энни, но она по-прежнему лежала, не обращая внимания ни на кого вокруг, а из провала тем временем уже выбирался и Нэм. Из-под тряпки показалось его обезображенное крысиными укусами лицо со свежими ранами, он так же, как и его ученица, сбросил свой груз, гораздо более тяжёлый по сравнению с её, и всех крыс тут же унёс Фаренне. Несмотря на чудесное явление преступника, мясо всё равно портилось, крыс нужно было подвергнуть обработке и отдать на разделку мяснику.

– Доброй воды, – хрипло сказал Нэм и прикрыл глаза ладонью от света.

– Объяснись, – потребовал Харуун. – Почему вы позволили Туркасу вернуться? Почему не убили его?

– То, что он знает, может оказаться важным, – ответил Нэм и вслепую протянул в сторону гарпун, который тут же выхватили у него две пары рук, защищённых от заразы кожаными перчатками. – Дайте нам с Энни перевести дух, и мы вам всё расскажем.

– Как распорядишься? – спросила Джанин, подступив к Харууну с левого плеча. За ней стояли Лиам и Айрис, стражники, готовые по первому её слову сделать с Туркасом что угодно.

Харуун осмотрелся. Собравшиеся на безопасном расстоянии от охотников жители ждали его решения. Перекинуться словечком с Нэмом он не мог, все бы услышали, а подойти было нельзя.

Король перевёл взгляд на изгнанника. Тот лежал неподвижно, грудь его часто вздымалась, а руки конвульсивно скребли землю. Было очевидно, что он страдает.

– Позаботьтесь о Нэме и Энни, – громко распорядился Харуун, – думаю, этого вам напоминать не следует.

Туркас глухо застонал, очевидно, что он слушал и не услышал своего имени, и это вселило в него ужас.

– Выдайте Туркасу двойную меру воды для мытья, – продолжал Харуун, – и двойную меру питьевой воды. После обработки отведите его в больницу. Когда придёт время суда, мы решим, что с ним делать дальше.

Он понимал, что вряд ли люди, которые так явно увидели в явлении Туркаса волю богов, будут ей противоречить. Не хотят же они, чтобы с неба снова упал огненный камень, чтобы покарать их? Теперь Туркасу придётся остаться здесь и снова жить с ними. А если он опять кого-нибудь убьёт?

Вот незадача! Боги никогда ясно не объясняли свою волю, а дураков не было, чтобы переспрашивать.

Но постепенно все распоряжения Харууна были выполнены. Сильвен поднял на руки Энни, Лас помог идти Нэму. Они скрылись в здании санитарной станции, где избавляли от заразы и охотников, и их одежду и оружие. Отведя их, санитары вернулись. Лас поднял брошенные вещи, Сильвен велел нескольким горожанам натаскать лишних мер воды для Туркаса.

Всё это время сам Туркас, глухо постанывая, лежал на земле. Наконец настала и его очередь идти в санитарную станцию, его увели, подхватив под локти, и стало совершенно не на что смотреть.

– Расходитесь, – приказал Харуун. – Расходитесь, всё закончилось. Занимайтесь своими делами!

Все его планы на день оказались безнадежно испорчены и сдвинуты. Он должен был зайти к Леа и просмотреть итоговые записи о городском имуществе, но казначей наверняка не дождалась его и сверяла баланс сама, без тех сведений, что утром Харуун забрал у себя из дома.

Горожане в самом деле постепенно стали расходиться, возбуждённо переговариваясь. Вылезшее из-за крыш солнце осветило пространство у входа в подземелье, и его лучи упали на зелёные ступеньки. У провала остались только Хана, Кристина и Джанин с матерью. Хранительница времени и её ученица были заняты тихим переругиванием, пока Хана не спохватилась и не схватилась за свою колотушку.

– Семь часов! Сорок восемь! Минут! – проговорила она и своим обычным быстрым шагом зашагала по улице.

Кристина помчалась за ней, явно на ходу вымаливая прощение.

– Иди скорее, – сказала Джанин матери, отсылая её прочь. Харуун не обманулся – она хотела поговорить с ним. – Иди, крыс много, Марик уже, наверное, их жарит.

Это было ложью, ведь Фаренне ещё даже не выходил из санитарной станции, и речи не шло о том, что он успел отнести крыс мяснику. Но Альса ушла, всё поняв правильно.

– Ты умно распорядился, – сказала Джанин, когда они с Харууном остались одни.

– Я боялся, что люди начнут протестовать, – признался тот.

– Случай из ряда вон, – промолвила Джанин. Они с Харууном медленно пошли по улице, и он поддерживал её под руку. – Но твое решение взвешенно... Конечно, ты сам прежде поговоришь с Нэмом и Энни?

Приказов Харууна слушались, как, собственно, и приказов Джанин, но он видел только внешнее и не мог сказать, о чём говорят и что делают горожане за его спиной, разве что иногда верно догадывался.

– Разумеется, – ответил он.

Поскорее бы Джанин рожала и возвращалась в строй. Сейчас от неё никакого толку не было, и она страдала от этого. Толстая, неуклюжая, никуда не успевающая, она только выслушивала доклады своего заместителя и советовала, где нужно усилить караулы, кого поставить с кем в караул, чтобы не болтали и не ссорились и не пропустили опасность. Но до декретного отпуска она снабжала Харууна поистине ценными сведениями. Джанин ухитрялась узнавать о вылазках за границу и попытках протасить в город что-то без санкции санитарного инспектора раньше, чем злоумышленники успевали подготовиться к преступлениям. У неё был настоящий нюх на попытки нелегального обмена. В конце концов, это она приказала установить слежку за Кайрой, основываясь на одних только показаниях ненадёжного свидетеля...

Харуун и Джанин медленно прошли мимо дома Бенни Тиркса и Айрис Лаверры, где за низким забором гнездились пышные цветы, за которыми стражница любила ухаживать в свободное время; мимо дома, где в первом этаже жила ткачиха Янна Гарт, а во втором устроил свое гнездо самый ловкий стрелок из лука, стражник Ойген Конмаэль. Они прошли мимо летних загонов с ездовыми свиньями, мускулистыми, крепко стоящими на толстых ногах, и мимо загона со свиньями, предназначенными на убой, более толстыми и жирными, мимо грядок с репой, редисом и картофелем.

Под ногами у них неспешно бродили куры, каждая с металлическим колечком на ноге, на колечке – порядковый номер, чтобы было легче учитывать при пересчете городского имущества.

– Нэма и Энни будут расспрашивать и до тебя, – заметила Джанин.

– Потому я пойду к ним сразу же, как только они приведут себя в порядок, – сказал Харуун. – Лучше послать кого-то, чтобы мне доложили.

Джанин осмотрелась и подозвала к себе Амина Латара, который сгребал в совок мусор возле своего порога. Она передала ему распоряжение Харууна, заметив, что идти следует не только к королю, но и доложить ей самой.

– Тебе разве нужны такие тревоги? – спросил Харуун. – Лучше не влезай в это.

– Мне здесь ещё жить, – резко ответила Джанин. – Моему ребёнку здесь жить. Не говори мне о тревогах.

Неужели она думала о том, же что и он? Смертная казнь больше не была смертной, и это тоже поселило в её сердце страх?

Они пошли дальше, мимо огорода с лекарственными травами, который располагался по центру улицы, и оказались на перекрёстке у школы. Сейчас в школе шёл урок, и через открытое окно доносился размеренный голос учителя Кимрита, который что-то диктовал младшему классу, в то время как старший класс, освобождённый от посещения уроков, наверняка трясся от волнения по своим углам в ожидании церемонии.

Харуун и Джанин свернули со Второй на Главную и двинулись в том же темпе.

– Ты же понимаешь, что возвращение Туркаса взбаламутит некоторых, если не всех? – тихо проговорила Джанин как будто себе под нос. – У нас есть смутьяны, и не всех их можно посадить в подвал или в башню. Некоторые из них смутьяны только в мыслях, но от мыслей недалеко до поступков, а мысли не прочтешь...

– Ошибаешься, – проговорил Харуун, тоже как будто про себя. – Многие от мыслей никогда не перейдут к делу.

– Но можно навредить и бездействием, – заметила Джанин. – Город работает, как муравейник, а что будешь делать, если кто-то станет плохо выполнять всю работу?

– Мы слишком завязаны друг на друге, – подтвердил Харуун. – Без кузнеца нельзя, без казначея, судьи, врача, хранителя времени, охотников, стражей... Да только не в этом ли наше преимущество? Если боишься чего-то нехорошего, подумай: чьё-то бездействие ему самому и отзовется. Разве не так мы живём с начала времён?

– С начала времен маленьких людей, – поправила Джанин. – Раньше все было по-другому.

– Никто не знает, как на самом деле было раньше.

Они помолчали некоторое время; дом Джанин всё приближался, и Харуун знал, что ему придётся оставить её и идти к казначею работать, когда они достигнут крыльца.

– Что ты сделаешь с Туркасом? – спросила Джанин.

– Выслушаю.

– А потом?

Харуун досадливо поморщился.

– Мы уже изгнали его один раз, – сказал он. – Но волей богов он остался жив. Если мы попробуем снова, не обрушится ли на нас их гнев?

– Может, и обрушится, – подтвердила Джанин. – А если он начнёт рассказывать, что за стенами можно жить?

– Можно жить! – фыркнул Харуун. – Все видели, в каком состоянии он пришёл. Это не жизнь.

– Харуун, он выжил там без инструментов, огня и крыши над головой, – настойчиво проговорила Джанин. – Люди задумаются, что же будет, если взять инструменты, животных, огонь, оружие... Если пойти туда не на обычную вылазку, не на похороны...

– Я последую воле своего народа, – ответил Харуун, не показывая ей, что от её слов ему сделалось страшно. – Всё меняется. Когда-нибудь.

Джанин остановилась перед ним, своим животом закрывая ему дорогу дальше.

– В прошлый раз, – сказала она, – боги сделали больших людей маленькими именно потому, что всё менялось.

– Потому что это они всё меняли, – возразил Харуун. – А мы ничего не меняем, мы просто подстраиваемся. Если там есть место, где тоже можно жить, почему бы не пойти туда?

– Можно жить? В чаще, кишущей хищными тварями?

– Туркас остался жив, – напомнил Харуун.

– Я вижу, что с тобой не договоришься.

– Ещё объяви меня смутьяном.

– И объявлю!

– О чём мы спорим? Туркас ещё ничего не сказал.

– И правда, – опомнилась Джанин.

– Я должен идти.

– Суд в три часа, помнишь?

– Помню. А принятие в ученики – в одиннадцать, не пропусти, – ответил Харуун. – Мы с Леа будем пока проверять счётные книги.

– Смотри, не опоздай. Хотя Кимрит не обидится, он уже привык, – беззлобно съязвила Джанин и ушла, запахнув на животе верхнюю тунику.

Попрощавшись с Джанин, Харуун отправился дальше, к дому Леа, поднялся на крыльцо, толкнул дверь. В городе старались не запираяться, не было привычки воровать. Зачем, если в любой момент можно было попросить понравившуюся вещь попользоваться, да и владение слишком большим количеством вещей не было необходимостью?

– Доброй воды, – сказала Леа. Она сидела к двери спиной за единственным полагавшимся каждому жителю города столом и сосредоточенно водила кончиком пера по строчкам в огромной амбарной книге.

– Доброй воды, – сказал Харуун, пинком пододвинул табуретку и сел сбоку от стола, опершись спиной о стену. – Фух!

– Что случилось? – спросила Леа, не отрываясь от книги. – Там был шум на улице.

– Нэм и Энни отстали от графика на двадцать минут, – пояснил Харуун. Думать о Туркасе ему не хотелось.

Леа помолчала, прежде чем ответить. Она была немного рассеянна, и записи о розданных мерах еды явно волновали её больше, чем какой-то шум, если он не грозил очередным гневом богов.

Харуун смотрел на её профиль, на то, как она шурится. Её волосы были скромно срезаны выше плеч и едва закрывали уши. Из разрешённых украшений Леа носила только висячие серьги с синими камушками. Синий цвет не особо одобрялся, так как был цветом неба, но его и не запрещали. В остальном Леа не отходила от предписаний. Её повседневной одеждой было серое платье с выцветшим зелёным платком. Она меняла его на рубашку и серые же штаны, когда занималась физическим трудом. Харуун никогда не говорил этого, но серый удивительно ей шёл. Впрочем, он никогда не видел её в одежде другого цвета...

– Судя по тому, что ты спокоен и говоришь про двадцать минут, они всё же выбрались, – сказала Леа, когда вспомнила о его присутствии, дойдя до конца страницы.

– Выбрались. И привели с собой Туркаса.

Только теперь Леа оторвалась от амбарной книги.

– Туркаса? – тихо переспросила она. – Живого? Разве он не...

– Абсолютно живого, – подтвердил Харуун. – Только грязного, как кусок земли.

Леа отложила перо и отодвинулась от стола, чтобы смотреть прямо на собеседника.

– И что теперь? – спросила она, покусывая нижнюю губу. – Когда новая казнь?

– Казнь? Следи за языком. Это называется «изгнание». Боюсь, что казни не будет, – усмехнулся Харуун. – Боги явно объявили свою волю, вернув его живым.

– И среди нас будет жить убийца.

– Может, они его простили.

– Боги – да. А Малика? А Эсвет? А Раджан и Викки? Жёны и дети Маркуса разве не вправе потребовать, чтобы...

– Туркас должен рассказать, что с ним было, – прервал Харуун. – Когда вымоется и ото-спится, я его выслушаю.

– Нужно спросить у Матушки, как быть, – нерешительно проговорила Леа.

– А что она скажет? Что мы маленькие люди?

– Мы и есть маленькие, уж не большие точно.

– Если Матушка не решит, если суд не решит, что с ним делать, пусть народ решает голосованием.

– Хорошо, как скажешь.

Леа вернулась было к книге, но остановилась.

– Что он может рассказать, не знаешь?

– Не знаю. Даже приблизительно. Если только он что-то нашёл.

– Что он мог найти?

– Какое-то укрытие, – предположил Харуун. – Впрочем, ладно, давай займёмся делом.

Он вытащил из-за пазухи помятые листы, которые забрал из дома.

– Смотри, следует это вписать. Я рассчитал соотношение.

Леа взяла листы и стала молча переписывать рассчитанное, не вдумываясь и полагаясь лишь на Харууна.

Они сводили месячный баланс и фиксировали курсы; завтра на стене башни мелом и углём нарисуют картинку, которые будут точно иллюстрировать все их расчёты. Сколько на начало месяца было свиней и кур и сколько осталось, сколько давали воды за сколько муки,

сколько предполагается зарезать кур и свиней в следующем месяце – и так далее. Потом будет совещание по бюджету – и тянуть город дальше, разрешать, запрещать, подсчитывать, бегать туда-сюда, проверять колодец, проверять, как идёт кузнечное дело, как делаются лекарства, как хорошо идут поставки крысиного мяса, соблюдается ли положенная гигиена, всем ли выделяют положенные меры воды, никто ли не пытается взять себе больше, чем может съесть, – и снова записывать. На порядке и строилось управление городом, который, даже если бы всё его руководство исчезло, мог бы работать и самостоятельно.

Леа переписала всё, что он принёс, закрыла книгу и отложила в сторону.

– Давай поговорим, – сказала она.

Харуун молча глядел ей в глаза. Когда Леа начинала со своего «давай поговорим», это значило, что разговор, о чём бы он ни был, снова может зайти в тупик из-за упрямства их обоих.

– Ты не боишься? – спросила Леа.

– Мне нечего бояться, – ответил Харуун.

– Хочешь быть свергнутым?

– Меня бесполезно свергать? Ради чего?

– Ради того железного ящика с монетами, что стоит в школе?

– Уж если кого и надо свергать ради монет, так это тебя. Ты же носишь ключи от него.

– Я просто ношу ключи, и все это знают. А ты – король.

– И что? Кто-то тоже хочет стать королём? Ну, пусть побегает с моё, покомандует, последит за всем. Кто-то хочет загрести себе все монеты? Зачем? Что на них можно купить?

– Свиней. Второй этаж своего дома. Харуун, в прошлом было именно так, и видят боги, я не хочу повторения.

– Свины не продаются, они принадлежат всем. Второй этаж тоже, потому что тому, кто его занимает, будет негде жить. Тогда какой смысл? Да и разве каждый знает, что эти монеты значили?

Леа постучала пальцем по книге.

– Смотри, Харуун. Проще простого взять всё это и объявить своим. Заставить отдавать часть еды и воды.

– Знаю. Но один человек столько не сожрёт, а если сожрёт, никому это не понравится. Ну и лопнет он в итоге, да. Мы всё это уже проходили. И боги сказали, что больше такого видеть не желают.

– А сейчас кто-то верит в богов? – спросила Леа тихо. – Когда они так долго молчат?

– Ты веришь?

– Древние были мудрее нас, – проговорила она. – И те, кому было откровение, не могли врать. Мы все знаем, что больших людей сбросили с небес, потому что там им не место. Что если попытаться прибрать к рукам весь город – это и есть попытка снова забраться на небо? Люди стали забывчивы, даже маленькие...

– Кому нужно владеть городом, тот сначала попробует склонить на свою сторону всех жителей, – рассудил Харуун. – Иначе он захватит кузницу, но не захватит кузнеца – и что тогда?

– Тогда он захватит его детей, – проговорила Леа. – Харуун, тебе нужен наследник.

– Вот те раз! – удивился король. – Сначала говоришь, что детьми можно шантажировать, а потом – что мне как раз нужны дети. Я чего-то не понимаю?

– Не понимаешь того, что королевская власть передаётся по наследству! Не станет тебя – кому она перейдёт?

Слова её звучали правильно, она призывала Харууна к порядку, заведённому веками, но суть её речи королю категорически не понравилась.

– Столько лет об этом никто не вспоминал – и вот! С чего ты вообще об этом заговорила? Кто-то собирается меня свергнуть? Ты что-то знаешь?

На секунду его кольнуло страхом, что она вправду пытается предупредить его о заговоре, так сказать, по старой дружбе. И если есть заговор, то нужно ходить оглядываясь. Но кто мог такое провернуть? А время-то удобное: верная Джанин едва видит дальше своего пуза, на носу уборка урожая, когда все будут заняты с утра до поздней ночи... Да ещё и Туркас, чтоб ему провалиться!

Уж не подкармливал ли кто Туркаса всё это время? Если так, то подозрение в измене падает в первую очередь на самих охотников...

– Я ничего не знаю, – проговорила Леа, как будто вторя его мыслям, однако не догадываясь, что Харуун уже успел заглянуть гораздо дальше, чем она. – Но вернулся Туркас. Даже я понимаю, что он таким образом открыл дверь с той стороны. Люди захотят выслушать его. Ты знаешь, по какому поводу будет суд. Харуун, мы сидим в повозке, которая катится с горы, потому что свиньи, её везущие, сошли с ума. И я не знаю, будем ли мы живы, когда окажемся внизу.

– Не держи людей за идиотов, – резко возразил Харуун. – Это в прошлое время брат шёл на брата, а сейчас разве одна половина города может подняться на другую?

– Туркас убил Маркуса из-за лишней меры воды, – сказала Леа. – И Туркас вернулся.

Харуун сжал кулаки.

– Я выслушаю Туркаса, – сказал он глухо. – И весь город выслушает Туркаса. А потом город решит.

Он встал, резко отодвинув табуретку.

– И тебе лучше тоже прийти, когда он будет говорить, – сказал он и вышел на улицу, не прощаясь. Леа молчала за его спиной все время, пока закрывалась дверь, хотя он был уверен, что она пожелает ему доброй воды.

Разговор раздосадовал его. Харуун рьяно выполнял свои обязанности короля и раньше считал, что этого было достаточно. Мысли, что кто-то может быть этим недоволен, он старательно гнал от себя прочь.

Куда пойти дальше, Харуун пока не знал, поэтому он просто вышел за калитку и несколько минут стоял на улице возле дома Леа. До принятия в ученики оставалось порядочно времени. Посланник с новостями насчёт Нэма и Энни ещё не прибыл. И Харуун, движимый беспокойством, решил подняться на городские стены.

Они окружали город с незапамятных времен, защищали его от ветра и диких зверей. Кирпичи, из которых они были сложены, позеленели и покрылись мхом, но если присмотреться, можно было заметить, в каком месте новые стены, построенные после падения больших людей с небес, смыкались со старыми, возведёнными ещё в их время. Там цвет и структура кирпича заметно отличались. Можно было видеть и заложенные кирпичом окна. Иногда Харуун задавался вопросом, насколько же большими были дома людей, которые жили тут раньше, и каковы были они сами. Старики рассказывали предания, что здания доходили до облаков, наверное, с их крыш люди и поднимались прямо в небо, размахивая широкими крыльями... Впрочем, никто из ныне живущих не мог точно сказать, что творилось на земле в незапамятные времена.

По лестнице, приставленной к стене, Харуун забрался на самый верх и выпрямился, осматривая открывшиеся ему два мира. Справа он видел улицу и крыши домов своего города. Видел, как ходят люди, занимаясь своими повседневными делами. С высокой точки можно было рассмотреть, что дома построены на фундаментах больших зданий, можно было даже рассмотреть противоположный край городской стены. За ней, невидимое отсюда, расстилалось тщательно охраняемое поле пшеницы, отвоёванное у леса и обнесённое стеной пониже. Слева же открывалось море леса, там верхушки деревьев колыхались под ногами, между ними сгущались пугающая зелёная темнота, и до горизонта виднелся один только дикий заросший лес.

Справа жили люди. Они работали, смеялись, рожали детей, толкли в ступках лекарственные травы, разминали для фильтров уголь, который вытаскивали из костров, мололи пшеницу,

растили овощи, делали бумагу из древесных опилок, учились в школе, становились взрослыми, охотились, перенимали у мастеров свое будущее ремесло. Там была жизнь.

Слева была смерть: острые клыки, непроходимые леса, глубокие топи, и так до бесконечности, до горизонта, до самого неба, которое так и не покорило людям до конца.

Харуун взглянул на ту часть стены, которая была сложена из новых кирпичей. Он мог точно сказать, где заканчивалась улица в древние времена: вот она, упиралась прямо в стену. И дальше, за стеной, росли деревья, теснясь точно на том пространстве, которое было раньше пустым. На обломках зданий расти было тяжелее, кроны смыкались там не до конца, обозначая места, где раньше были дома, не давая забыть, что люди не всегда были маленькими. Харуун попытался представить на месте бесконечного леса бесконечный город – и не смог.

– Ты что задумался? – окликнул его стражник Мелле. Опираясь о копьё, он легко пробирался по раскрошенной временем, ветром и дождями стене.

– Всё ли тихо? – спросил Харуун вместо ответа.

– Как видишь, – сказал Мелле, пожав плечами. Ему было шестнадцать, он выбрал в наставники Джанин и с тех пор нёс службу на стенах и в разведке.

Харуун присел на корточки, держась за один из зубцов. Сесть, свесив ноги, Мелле бы ему не дал. Слишком опасно для короля.

– Ты собираешься жениться? – спросил Харуун, касаясь зубца щекой. Солнце пригревало ему спину, ветерок шевелил волосы.

– Когда-нибудь соберусь, если разрешат, – философски ответил Мелле. – Боюсь только, моя очередь не сразу подойдет, ну и правильно, не морить же лишних детей голодом? Я бы своим детям такого не хотел.

Харуун кивнул, соглашаясь. Его очередь жениться подошла два года назад, но он до сих пор никого не выбрал и никто не выбрал его. И без этого положенное количество жителей было превышено то на трёх, то на пять человек. По расчетам Леа, это можно было назвать небольшой погрешностью, но всё же любое превышение количества людей в то время как количество еды оставалось прежним, заставляло казначея нервничать. Что там – заставляло нервничать всех. Скоро родит Джанин, родит и Лара, лишних людей станет шестеро. Вся надежда оставалась на то, что зимой умрёт кто-то из стариков, они зимой часто простужаются...

– А ты хочешь детей? – спросил Харуун.

– Если жена забеременеет, куда же деваться? – спросил Мелле так же философски.

– Они все беременеют, рано или поздно, – пробормотал Харуун.

Прошли жестокие времена, когда еды было ещё меньше, чем сейчас и все дрались, отнимая друг у друга последние крохи. То ли зима стала не такой суровой, то ли люди помягчили сердцем, но лишних новорождённых больше не закапывали живьём, а их матерей больше не выводили на площадь с позором и не били кнутом. Хотя ещё учитель Кимрит застал подобные наказания, когда был молод. О них он рассказывал в школе своим ученикам, и они внимали с открытыми ртами.

Сейчас не было такого ужаса, дружелюбие и равноправие царили в городе как самая выгодная форма общения и сотрудничества. Горожане стали куда сознательнее. При правлении Харууна никто не смел потакать своим эгоистичным желаниям и заводить детей без квот. Никто не смел решать проблемы насилием. Кто поднимет руку на швею, к кому потом понесешь расползающуюся одежду? Каждый был при своем деле и каждый был незаменим. В этом состояло благо и – Харуун видел это – опасность. У каждого мастера были ученики, а если бы их разом не стало? Чему-то были обучены все, но не всему...

Сейчас еды было больше, можно было бы разрешить некоторый избыток населения, позволить родиться и десяти, и двадцати младенцам, но Леа, которая просиживала за расчетами едва ли не по целым дням, только морщилась, когда ей озвучивали эту мысль. Однажды она

вышла из себя и нарисовала на стене башни несколько линий, каждая из которых означала количество благ и количество людей, будущее или настоящее.

– Один неурожай – и мы погубили! – кричала она. – Вы что, совсем статистики не понимаете?! Двадцать человек – это сейчас не проблема! Когда каждому будут отмерять по четверти пайка – вот это будет проблема!

Контроль рождаемости и так уже был установлен до неё, и причём куда более доброжелательный, чем раньше, но Леа все равно дёргалась, понимая, что любая случайность в супружеской связи разрушит её стройные расчёты.

Была тут и ещё одна загвоздка – Авель Прим, который был обязан делать записи о смерти и рождении, точно должен был знать, кто от кого рожден, чтобы потом назначать людям супругов и всеми силами избегать близкородственных браков.

Никто не хотел вырождения и голодной смерти – первым делом было выжить, и эта мысль висела над городом, как огромный камень, грозящий сорваться с небес. Расчёты Леа, забота о животных, сбор лекарственных трав, рождение детей по разрешению – всё это было подчинено одному.

А если они всё же опять что-то нарушили? Маленькие люди не обладали силами больших, они не летали в небесах и не вгрызались в землю, но что если неправильно поставленный светильник в храме мог разгневать богов? Что если ещё даже не озвученная мысль горожан о том, чтобы выбраться за стену и пожить там, могла побудить их уничтожить людей совсем, раз уж они не смирились с поражением? А король, далёкую прабабку которого боги пощадили с тем, чтобы она взяла на себя бремя заботы о своём народе, не знал, что делать, сомневался, даже не предполагая, как поступила бы властительница Шарлотта на его месте.

О да, это Шарлотта собрала бывших больших людей, утешая их и помогая. Она налаживала связи, она сама таскала камни, которые остались после разрушения города, она хоронила умирающих. И она вытаскивала, вытаскивала больших людей из пучины ужаса и отчаяния и назвала их маленькими людьми, внушив мысль о смирении.

Королева Шарлотта терялась в веках, её далекий потомок не знал даже, откуда пошёл его род и кем они были раньше. Сказки не в счёт, в сказках люди летали на крыльях, в сказках большие люди убивали своих жён из ревности, а родственников – из мести, и всё в воображении Харууна представало бесцветным и плоским, как он ни силился вообразить себе прошлое.

– О чём задумался? – спросил Мелле. Он сидел на стене, свесив ноги, ему было можно, он не был потомком знатного рода, просто смуглый простолюдин с бесцветными глазами, сквозь которые просвечивала сеточка сосудов, и его смерть никак не отразилась бы на государственном устройстве.

– О королеве Шарлотте, – признался Харуун.

– Хм, – ответил Мелле, видимо, ожидая продолжения. – И что ты о ней думаешь?

– Как бы она поступила на моём месте.

– Ты про Туркаса?

Харуун кивнул, не уточнив, что Туркас был здесь только частью, предвестником беды, и далеко не единственным.

Мелле пожал плечами.

– Шарлотта была милосердна. Она бы приняла его и оставила в городе.

– Он пришёл оттуда, откуда не возвращаются, – промолвил Харуун.

Мелле понял его.

– Мы никогда не были убийцами. Ты же знаешь, убийство человека – табу.

– Мы всего лишь выбрасываем людей за стены города, – фыркнул Харуун. – Безо всего.

В том числе и зимой.

– Но мы их не убиваем. Их убивает лес. Или не убивает. Вот видишь, Туркас остался жив.

Харуун промолчал – разговор принимал опасный оборот, а Мелле, кажется, сам не понимал, что говорит.

– Десять! Часов! – раздался снизу голос Ханы.

– Десять часов! – выкрикивала Кристина, которая бежала за ней вслед. Раздавался звук колотушки. – Десять часов! Через час – принятие в ученики!

– Мне пора, – сказал Харуун и поднялся. – Нужно подготовиться и прийти в школу пораньше.

– Понимаю, – немного завистливо кивнул Мелле. Он не мог явиться, его место было здесь.

«Как хорошо, когда у каждого свое место, – думал Харуун, спускаясь вниз по лестнице. – И когда порядок не нарушается».

Он осмотрелся, уверился, что и Мелле, и другие стражники стоят как нужно, спиной к городу и лицом к лесу, – и нырнул в сторону, за поленницы дров, сложенные под стенами крепости. Он проскользнул там, тихо ступая, затем перелез через низкий заборчик, прошмыгнул по заднему двору дома Эндрю Тилена, помахал рукой сидящей в пыли трёхлетней Анаис Ларисоль, которая сосредоточенно выковыривала из земли червяков, снова перепрыгнул через забор, приземлился на обломки глиняных горшков, обогнул уличный гончарный круг под навесом и замер, когда горшечных дел мастер Эльс отворил дверь, чтобы посмотреть, кто шумит. К счастью, Харуун стоял за углом дома, но если Эльс догадается обойти вокруг, то увидит его.

– Это кошки, наверное, – раздался из дома звонкий голос тринадцатилетней ученицы Эльса, Мелассы. Ученики много времени проводили в домах своих мастеров, но Харуун почему-то не взял её в расчёт. Как и то, что она могла заметить его из окна.

– Не отвлекайся, – велел Эльс, и в доме снова что-то зашумело. – Крути вот так.

Выдохнув, король двинулся дальше, пригнувшись, проскочил под окном и, не разгибаясь, перевалился через следующий заборчик.

Перед ним маячила новая дверь – в этом доме их всего было четыре, и оба этажа принадлежали одной семье, хотя всем остальным это было запрещено. Эта семья много веков защищала город от болезней и напастей и потому пользовалась всеми мыслимыми и немыслимыми привилегиями. Членам этой семьи позволялось входить везде, куда вздумается, занимать любые понравившиеся места, и никто не мог им в этом препятствовать.

Под ноги Харууну выскочил пёстрый комочек, за ним ещё один, и он, присев, погладил кошачьи спинки. Внутри дома раздались шаги, и на порог вышел смотритель – Бенни Тиркс, дряхлый старик сорока четырёх лет от роду, который занимался кошками сколько себя помнил и посвятил им всю свою жизнь. В руках он держал блюдо с мелко нарубленными крысиными хвостами и лапами, должно быть, это были останки тех крыс, которых сегодня принесли Нэм и Энни. Значит, у Альсы должны быть уже только что пожаренные куски мяса. При мысли об этом Харуун почувствовал, что снова голоден.

Не замечая его, Бенни прошёл чуть подальше и начал разбрасывать останки на землю. Почуввав свежую кровь, со всех сторон поднялось кошачье воинство. Белые, бесцветные, полосатые, пёстрые, рыжие и чёрные, гладкие и пушистые, они соскакивали с крыши, перепрыгивали через забор и бежали старику навстречу, кровожадно урча.

Кошек никогда не кормили досыта, но приучали к запаху и вкусу мяса грызунов. С крысами они справиться чаще всего не могли, и нередко бывало так, что очередной пушистик куда-то пропал – тогда Бенни говорил, что бесстрашного охотника инстинкт повёл вниз, под землю, на погибель, и оплакивал павшего воина. А вот с мышами и прочими грызунами кошки справлялись беспощадно, натаскивая порой целую горку трупиков на порог кошачьего дома.

Не все кошки постоянно жили в специально отведённом для них доме. Часть из них выбрала своими обиталищами дома горожан, и не стоило сомневаться, что там они были прищеаемы и обласканы.

– Кто здесь? – спросил Бенни, подняв голову. Он был подслеповат, и ему часто помогал его ученик, Марти Ханс, который перенимал у него науку – как ухаживать за кошками, как принимать роды, как лечить, как играть и развлекать, чтобы они не скучали. Но Марти здесь сейчас не было.

– Это я Харуун, – сказал король. Он выпрямился и подошёл. – Доброй воды, Бенни.

– Доброй воды, – откликнулся тот. – Не сможешь раскидать?

Немного раздосадованный задержкой, Харуун принял у него тяжёлое блюдо и разом высыпал его на землю. Урча, кошки набросились на еду, и от их пёстрых спин зарябило в глазах.

– Экий ты резвый, – проворчал Бенни.

– Да я только мимо проходил, – извиняясь, ответил Харуун. – И как их не погладить?

Кошек он в самом деле любил больше, чем собак, и они были поприятнее, чем свиньи или чем безмозглые куры.

– И правда! – просиял Бенни и, с трудом наклонившись, поднял на руки пёструю пушистую красавицу.

– Это Мила, – безошибочно определил он. – Посмотри, какая у неё блестящая шёрстка.

Харуун согласился и погладил кошку. Бенни не спрашивал у него, что была за тревога и шум утром, он вообще мало чем интересовался, помимо кошек.

– Придёшь на суд? Или на принятие у ученики? – спросил Харуун.

– Даже не знаю... – задумался Бенни. – Альфреда вот-вот окотится, на Марти разве можно положиться?

– Нет, конечно, – поддакнул Харуун. – Можно я через дом сокращу?

– Конечно, проходи.

– Спасибо! Доброй воды! – воскликнул Харуун и взбежал на крыльцо. Он попал в просторный дом, весь состоящий из одной комнаты. Наверх вела крепкая лестница. Внизу везде были дощечки для точки когтей, лежанки, домики, полки и гамаки – настоящий кошачий рай. Харуун вышел в противоположную дверь, не потревожив двух кошек, которые в обнимку спали на одной из лежанок, и отправился дальше. Он отворил заднюю калитку и попал под большую покосившуюся яблоню.

Он преодолел пространство, любовно засаженное лекарственными травами, и попал на задний двор больницы. Поглядывая по сторонам, Харуун прокрался вдоль её стены, достиг окна и заглянул в него. Окно было открыто, и ему не составило труда сразу увидеть Туркаса, который лежал на хорошо устроенной постели возле жаровни. Было очевидно, что даже в тёплый день его бил озноб. Его вымыли и, наверное, накормили, и сейчас, хоть и исхудалый, он был больше всего похож на того Туркаса, какого знал весь город.

Рядом с Туркасом прямо на полу сидела Анна и толкла лекарства в ступке. Уходить она никуда не собиралась, таким образом, поговорить с больным наедине никак не вышло бы, не вызвав при этом подозрений.

Убедившись всё же, что его приказ исполнен в точности, Харуун отправился дальше и, попетляв огородами и проходами между домами, вышел к дому Энни. Если за ним, по его распоряжению, и приходили, то у Леа не застали, и он решил сам проверить, что с охотниками. Нэм жил на втором этаже, к нему не так просто было добраться по лестнице, которую было хорошо видно с улицы, потому Харуун отбросил мысль пробраться тихонько к нему на Дальнюю, но вот Энни жила ближе и занимала первый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.